

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ под редакцией и с критико-биографическим
очеркомъ А. М. Скабичевскаго и с приложениемъ портрета Шеллера.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ Приложение къ журналу "Нива" за 1904 г. //Издание А. Ф.
МАРКАСА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1904
FB2: "rvvg ", 02 July 2015, version 1.0
UUID: B9002CA1-2657-40EE-ACAC-6F2556BEC303
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Константинович Шеллер- Михайлов

Vanitas vanitatum et omnia vanitas!

ШЕЛЛЕР, Александр Константинович, псевдоним — А. Михайлов (30.VII(11.VIII).1838, Петербург — 21.XI(4.XII).1900, там же) — прозаик, поэт. Отец — родом из эстонских крестьян, был театральным оркестрантом, затем придворным служителем. Мать — из обедневшего аристократического рода.

Ш. вошел в историю русской литературы как достаточно скромный в своих идейно-эстетических возможностях труженик-литератор, подвижник-публицист, пользовавшийся тем не менее горячей симпатией и признательностью современного ему массового демократического читателя России. Декларативность, книжность, схематизм, откровенное морализаторство предопределили резкое снижение интереса к романам и повестям Ш. в XX в.

A. К. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ
Vanitas vanitatum et omnia
vanitas!

Нѣтъ-съ, что вы, господа писатели, ни говорите насчетъ нашихъ доходцевъ, пенсій или относительно знаковъ отличія, какъ тамъ ни разсуждайте, подѣ вліяніемъ разныхъ такихъ житейскихъ недоразумѣній и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, а положеніе наше весьма шатко. Не подумайте, что я намекаю этимъ на сатиры какія-нибудь ни комедіи обличительныя, гдѣ нашего брата, чиновника, такъ сказать, въ утреннемъ халатѣ и ночномъ колпакѣ, напоказъ публикѣ, на сцену выводятъ. Это что! Это еще съ хлѣбомъ бы съѣсть можно; но гоненія судьбы, удары неожиданные — вотъ что страшно. Спишь-спишь, сны такіе фантастическіе видишь, кругомъ Аркадія, и вдругъ выпиши чортъ знаетъ что такое! Могу васъ увѣрить, что нерѣдко приходятъ минуты, когда пофилософствуешь такъ, знаете, въ уединеніи своего кабинета, махнешь на все рукой, и невольно скажешь, съ царемъ Соломономъ: суета суеть и всяческая суета, изъ праха мы взяты и въ прахъ возвратимся! Вотъ теперь хоть бы и меня взять въ примѣръ: столоначальникомъ я сдѣланъ, креста къ новому го-

ду жду и непременно получу его, какія тамъ козни ни строй мерзавецъ Бурдашевъ, а, право, не шутя, думаю удалиться на свой хуторъ, — на лонѣ природы, если смѣю такъ выразиться, жизнь окончить... Вотъ вы ужъ и улыбаетесь, господа, и я читаю по вашимъ глазамъ, что вы думаете, будто это я такъ-себѣ отъ разстройства желудка, что ли, разнѣжился и фантазирую. А мнѣ, ей-Богу, въ самомъ дѣлѣ, не по-себѣ, такъ тутъ не до фантазирования! Оно, безспорно, пріятно, какъ видишь, что и осанка у тебя облагородилась, внушительною сдѣлалась, что и канцелярскіе писцы, какіе-нибудь регистраторы разные, съ уваженіемъ на тебя смотрятъ, что даже и кресло твое гоголемъ между ихъ жидкими стульями стоитъ; иногда усмѣхнешься, глядя на него, какъ оно, само по себѣ, уже столоначальникомъ смотритъ; а тамъ случится какая-нибудь исторія пасквильная, ну и падешь духомъ и хуже мокрой курицы въ душѣ станешь, едва-едва наружную важность сохраняешь, и то для того только, чтобы низшимъ повода къ неуваженію не подать, чтобы званію ущербъ не было черезъ

это самое твое малодушіе. Нѣтъ-съ, все — прахъ, повѣрьте мнѣ, и вы головы не вздергивайте; это вы только, потому ее поднимаете, что васъ тамъ какія-нибудь высшія лица, редакторы, критики разные обласкали, окладъ прибавили или что-нибудь тому подобное для вашей славы сдѣлали; но и это, помяните мое слово, прахъ и суета, нѣчто преходящее, звонъ колокольный... Да что далеко ходить за примѣромъ: вотъ вчерашняя газета, я ее нарочно себѣ на память изъ департамента унесъ... Прочтите.

«Супруга и дѣти его превосходительства, статскаго совѣтника Іакова Васильевича Рязанцева и кавалера разныхъ орденовъ, съ прискорбіемъ извѣщая во всеобщее свѣдѣніе о кончинѣ, первая — своего безцѣннаго супруга, вторья — своего родителя, просятъ покорнѣйше друзей, знакомыхъ и бывшихъ сослуживцевъ усопшаго отдать ему послѣдній долгъ при отпѣваніи, имѣющемъ состояться въ церкви Вознесенія, 12-го августа сего 1855 года».

Оно, конечно, немного нелитературно написано, въ разсужденіи слога, и въ титулѣ

превышеніе противъ чина значитъся (вѣроятно, дворецкому впопыхахъ написать велѣли), — но не въ томъ дѣло. Человѣкъ умеръ! И какой человѣкъ: Іаковъ Васильевичъ Рязанцевъ! А отчего онъ умеръ? Кто онъ такой былъ? какъ онъ жилъ? что за при- скорбные родственники? — вотъ что вы спросите! Вѣдь и къ Александру Македонскому, я полагаю, гостей на похороны приглашали, а между тѣмъ его исторія поучительна для юношества. Если ужъ дѣло коснулось поучительности, то Іаковъ Васильевичъ, былъ въ своемъ родѣ тоже Александръ Македонскій.

Я познакомился съ нимъ, или, вѣрнѣе сказать, онъ познакомился со мною, выбравъ меня своимъ домашнимъ секретаремъ въ то время, когда онъ уже стоялъ, если смѣю такъ выразиться, на высотѣ своего величія, воровчалъ цѣлой канцеляріей, въ лучшемъ обществѣ домашнимъ человѣкомъ сдѣлался; князья, графы къ нему на обѣды ѣздили; чопорныя барыни, словно крѣпость какую, записочками раздушенными осаждали его, прося у него протекціи и мѣсть для своихъ протеев; а какія-нибудь тамъ этакія — извините

меня, Марья Васильевна! — Каролины Карловны и Матильды, сидя во второмъ ярусѣ въ итальянской оперѣ, на него масляными глазами поглядывали и, думая поддѣть на свои крючечки такую рыбицу, свои круглыя плечики изъ-подъ открытаго лифа еще больше высывали, такъ что съ перваго раза и не поймешь, лифъ ли тамъ у нихъ или такъ себѣ поясокъ не широкій грудь придерживаетъ... Про балетъ и говорить нечего! Передъ кѣмъ танцовщица выше всего свои ножки поднимаетъ? — передъ Іаковомъ Васильевичемъ! На кого она съ улыбкой глядитъ въ то время, когда перекинется спиною и повиснетъ на дюжей рукѣ танцора? — на Іакова Васильевича! Въ чьи руки смотритъ, выбѣжавъ, какъ собачонка изъ воды, на сцену, въ день своего бенефиса? — въ руки Іакова Васильевича!.. Первое время мнѣ просто совѣстно было по его комнатамъ проходить. Извѣстно, въ молодомъ человѣкѣ какая осанка? Такъ себѣ, со-сиска какая-то онъ съ фалдочками. Опять же и полы скользкіе, того и смотри, что полетишь. Иду я, бывало: въ зеркалахъ мои фалдочки отражаются, кругомъ лакеи снуютъ въ

бѣлыхъ галстукахъ, барыни важныя, въ бархатахъ и атласахъ, на половину ея превосходительства проплывають, въ гостиной хохочуть веселымъ смѣхомъ сыновья Іакова Васильевича и ихъ друзья. А надъ чѣмъ они хохочуть? можетъ-быть, надъ моими фалдочками хохочуть! Бывало, потъ выступить, покуда я доберусь до кабинета Іакова Васильевича, а тамъ уже звучить его голосъ отрывистый:

— Опять ты, мерзавецъ, оброкъ не сполна привезъ? Когда это кончится? Не прикажешь ли мнѣ государственную службу бросить и самому въ деревню ѣхать недоимки собирать? На что же я тебя держу?

— Виновать, батюшка Іаковъ Васильевичъ, — отвѣчаетъ приказчикъ. Бестія-мужичонка былъ, продувной такой; теперь домъ каменный имѣеть. — Нонѣшній годъ, сами изводите знать, урожаи были плохи...

— Урожаи плохи! А прошлый годъ? А за-прошлый годъ? Скажешь тоже — урожаевъ не было?

— Это что Бога гнѣвить, только вотъ пожары опять...

— А, пожары, пожары! Чего жъ вы

смотрѣли: подѣ вашими глазами горитѣ, а вы спите? Чего вы смотрѣли, говори, чего смотрѣли?.. — колотитѣ Іаковѣ Васильевичѣ, по своей привычкѣ, оборотомѣ правой руки по лѣвой ладони.

— Виноваты, батюшка, оплошали...

— А, оплошали, оплошали! А я безѣ денегъ сижу изѣ-за васѣ, я отѣ своей деревни доходивѣ не могу дожидатѣся! Чтобѣ все было собрано! знать ничего не хочу. Погодите, погодите, доберусѣ я до васѣ!...

Постою я, бывало, у дверей, едва съ духомѣ соберусѣ войти вѣ кабинетѣ.

— Гдѣ это вы, милостивый государь, пропадаете? — скажетѣ съ неудовольствіемѣ Іаковѣ Васильевичѣ. — Прочтите, что тамѣ изѣ Ярославля пишутѣ, я разобрать не могѣ.

Сяду я читать; письма изѣ разныхъ деревень: жалобы, кляузы разныя пишутѣ негодяи-мужики, на старость клеветуютѣ, нищими прикидываютѣся, будто бы имѣ жить нечѣмѣ! И вѣдѣ какѣ хитры эти бестіи! Такія петлицы иной придумаетѣ, что и уму не постижимо. И неурожаи, и пожары, и падежѣ скота, и мертвыя тѣла, и становыхъ — все

приплететь, такая фантазія выходитъ, что хоть бы въ печать, если бы грамотно написано было.

— Грамоты научиться не могли, а кляузничать находятъ время! — скажетъ Іаковъ Васильевичъ и велитъ не читать остальныхъ писемъ, выбросить ихъ вонъ. — Распорядись съ ними, — обратится онъ къ приказчику. — Вотъ этотъ Петръ Косой пятый разъ мнѣ пишеть... Должно-быть, негодный мужичонка.

— Пьяница, батюшка Іаковъ Васильевичъ, — отвѣтитъ приказчикъ:— безъ проекту пьянствуетъ...

— И буйный, должно-быть?

— Какъ же, за нимъ больше всѣхъ недоимокъ...

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи: буйный онъ, или нѣтъ?

— Буйный, батюшка,

— Ну да, ну да, я такъ и зналъ это! Буйный, буйный! А, онъ бунтовать вздумалъ! Ну, въ солдаты его, въ солдаты! — колотить Іаковъ Васильевичъ правой рукой по лѣвой. — Ты распорядись тамъ, покажи примѣръ. Теперь ступай. — Прочли вы бумаги? — обратится

онъ ко мнѣ.

— Прочель-съ, — отвѣчаю я.

— Давайте же тѣ, которыя важнѣе.

У меня ужъ, знаете, все разобрано, все разсортировано, начну я докладывать: эта, молъ, о томъ-то, а эта объ этомъ-то.

Іаковъ Васильевичъ слушаетъ и подмахиваетъ перомъ, слушаетъ и подмахиваетъ. Вотъ голова-то была у человѣка. Соображеніе молніи подобное, память... да что и говорить о памяти! Когда его еще столоначальникомъ сдѣлали, то одинъ чиновникъ, Пѣтуховъ по фамиліи, не хотѣлъ его поздравить, и вѣдь — что вы думаете? — до послѣдней минуты, бывало, какъ попадется Іакову Васильевичу докладъ о наградѣ Пѣтухову, такъ онъ сейчасъ и замѣтитъ:

— А, это тотъ вольнодумецъ? Вычеркнуть!

Вотъ такъ память! Но я, такъ сказать, нить разсказа прервалъ, это у меня отъ непривычки; у васъ тамъ, у литераторовъ, все кругло выходитъ, періодами этакими; ну, а съ насъ нечего взыскивать. Ну-съ, итакъ, я остановился на докладахъ.

— Вотъ-съ, — говорю я Іакову Васильевичу

чу:— просьбы о вспомошествованіи.

— Ну ихъ! У насъ самихъ денегъ нѣтъ. Отослать къ митрополиту.

— А это вотъ по подрядамъ.

— Отложите, это я самъ ночью просмотрю.

— Чиновникъ Прохоровъ просить о замѣщеніи его сына на службу.

— Куда его помѣститъ? На шею себѣ, что ли? Дуракъ, тридцать лѣтъ прослужилъ, а не знаетъ, что безъ вакансіи нельзя принимать на службу.

— Онъ на мѣсто Малышева просить его замѣститъ.

— Что вы мнѣ толкуете на мѣсто Малышева! На мѣсто Малышева пришлетъ Марья Николаевна Сухощаво-Терпухова; сами же вы ея письмо вчера читали... Ну, все?

— Все-съ.

— Уфъ! экъ мы провозились съ вами! Недолго, недолго выдержатъ мои силы, — проговоритъ онъ со вздохомъ и станетъ одѣваться, знаетъ, что въ пріемной уже ждуть его или важные гости, съ визитами пріѣхавшіе, или просители, жмуціеся другъ къ другу, точно стадо овецъ передъ бурей. А

тамъ еще въ канцелярію надо заѣхать, визиты необходимые сдѣлать, на обѣдъ равныхъ себѣ пригласить, въ оперѣ или въ клубѣ показаться, чтобы люди не назвали скрягой и чтобы женѣ одной не ѣздить, какъ брошенной, приходится и о дѣтяхъ позаботиться: однимъ гувернера нанять, другимъ мѣсто приличное достать. Ужъ о мелочныхъ заботахъ, въ родѣ выдачи жалованья прислугѣ, покупки нарядовъ для жены, заказа экипажей и мебели, я не говорю. Но вѣдь на такомъ мѣстѣ, на какомъ стоялъ Іаковъ Васильевичъ, и сервировка стола, не говоря о чемъ-нибудь болѣе значительномъ, требовала личного надзора. Офиціанты тамъ или дворецкіе взяли бы и накрыли бы столъ по-своему, наваливъ зря всякаго серебра, такъ что какая-нибудь чаша-ренессансъ подлѣ русскаго серебрянаго бурака съ солью стала бы: ну, и вышелъ бы не сервированный столъ, а складочный магазинъ аукціонной камеры, гдѣ, конечно, все равно, если помпейская ваза стоитъ рядомъ съ старымъ корытомъ: нищета, значить, всѣхъ въ одну яму сажаетъ!.. Да-съ, долженъ былъ Іаковъ Васильевичъ, по своему блестя-

щему положенію, и въ эти мелочи входитъ и, какъ геній, вездѣ онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Выйдетъ онъ передъ обѣдомъ въ столовую, сощуритъ глаза и говоритъ:

— Долой приборы! Узко накрыли. Дамамъ сидѣть нельзя будетъ. Широкую вставку вложить. Это зачѣмъ вы русскія ложки положили? Подать англійское серебро! Петръ, ты неровно приборы поставилъ.

— Кажется, ровно, — вздумаетъ спорить Петръ.

— Говорятъ тебѣ, что неровно! Подай салфетку! — возьметъ Іаковъ Васильевичъ салфетку и начнетъ мѣрять, выйдетъ, что онъ правъ. — Вотъ видишь, негодяй! — швырнетъ баринъ скомканную салфетку въ лицо Петра.

Безстыжій народъ, эти лакеи! Могли бы, кажется, понять, что кто-нибудь другой, ошибется, а не ихъ баринъ со своимъ глазомѣромъ. Фельдмаршаломъ бы ему быть! Если бы, примѣрно, рассказать какому-нибудь сапожнику, что человекъ можетъ передѣлать всѣ эти дѣла одинъ, то онъ только усмѣхнулся бы, да подумалъ, что ему очки въ глаза втираютъ, небылицу рассказываютъ,

потому что у него, у сапожника, и все-то дѣло сапоги сшить, въ праздникъ пьянымъ, какъ сапожнику, напиться, да жену побить. Не велика, кажется, работа, а онъ и отъ нея охаетъ и за дѣтьми присмотрѣть не можетъ, жалуется, что они отъ рукъ отбились. Конечно, какому-нибудь сапожнику по этому по самому и не бывать государственнымъ человѣкомъ, а долженъ онъ и то за великое счастье считать, что дала ему судьба возможность отличиться, хорошіе сапоги на государственныхъ людей шить, чтобы эти люди своихъ ногъ не промачивали, мозолей, съ позволенія сказать, не натирали и драгоцѣннаго здоровья не губили. Что — сапожникъ! И вы, любезный Василій Васильевичъ, и вы, почтеннѣйшая Марья Васильевна, могу васъ увѣрить при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, не только не исполнили бы трудовъ Іакова Васильевича, но просто отъ одного его присутствія почувствовали бы нѣкій трепеть. Часто я, бывало, любовался, когда Іаковъ Васильевичъ въ своей щегольской каретѣ по Невскому мчался, или когда онъ входилъ въ канцелярію: осанка этакая гордая, поступь величественная, всѣ ему кла-

няются, дохнуть никто не смѣтъ; иному чихнуть хочется, и того не смѣтъ; а онъ идетъ въ свой кабинетъ, едва склоняя голову, если встрѣтитъ кого изъ начальниковъ отдѣленія. Бывало, всѣ около того увиваются, кого онъ осчастливитъ пожатіемъ руки... И вотъ, если бы меня на мѣстѣ убили въ то время, когда онъ держалъ въ своихъ рукахъ, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбу десятковъ людей, такъ я не повѣрилъ бы, что этакій дубъ можетъ свалиться и отчего свалиться? — сказать страшно!

Въ одинъ прекрасный день, — то-есть день-то былъ не особенно хорошъ, я какъ сейчасъ помню, что я тогда до костей промокъ, ну, да это такъ принято у васъ тамъ въ литературѣ говорить, когда исторія доходитъ до самага интереснаго мѣста, — итакъ, въ одинъ прекрасный день прихожу я съ бумагами къ Іакову Васильевичу и нахожу его чрезмѣрно, могу сказать, необычайно пасмурнымъ и раздраженнымъ. Удивило это меня, потому что въ это время и приказчикъ изъ деревни съ оброками не пріѣзжалъ и, сколько я зналъ, особенныхъ непріятностей, въ родѣ ревизій

или реформъ какихъ по канцеляріи, не было. Любопытство меня взяло, разспросилъ я потомъ стороною, что случилось, и вотъ что узналъ. Отъ кого узналъ, это позвольте мнѣ умолчать, да, впрочемъ, оно и не идетъ къ дѣлу. Источникъ былъ вѣрный. Наканунѣ этого достопамятнаго дня до Іакова Васильевича дошелъ слухъ, что жена его чувствуетъ особенное расположеніе къ гувернеру, живущему въ ихъ домѣ. Этотъ слухъ, какъ и всѣ другіе слухи, обѣжалъ прежде весь городъ и уже только потомъ долетѣлъ до того, до кого касался. Іакова Васильевича сильно встревожило это извѣстіе.

— Не стыдно ли вамъ, сударыня... — выговаривалъ онъ мнѣ. — И съ кѣмъ? съ гувернеромъ, съ мальчишкой!..

— Вы сами такъ ведете себя, что я могла бы считать себя свободною, — промолвила его супруга.

Она была, какъ и слѣдуетъ на ея мѣстѣ, женщина хладнокровная, безъ предубѣжденій.

— Если вы промѣняли меня на какую-нибудь Жюли, то я имѣла право отплатить вамъ

тѣмъ же, но я не отплатила. Эти слухи, какъ и всѣ слухи, клевета. Мало ли про кого что говорятъ! Я покровительствую Вундту, потому что онъ достойный человекъ, вотъ и все.

— Такъ вы утверждаете, что эти слухи — вздоръ?

— Да.

— Ну-съ, въ такомъ случаѣ, я не желаю поддерживать ихъ дальнѣйшимъ присутствіемъ Вундта въ нашемъ домѣ и откажу ему отъ мѣста.

— То-есть, подольете въ огонь масла, дадите поводъ говорить, что вамъ открыли глаза и вызвали этимъ домашнюю драму, дадите поводъ предполагать разныя глупости, сдѣлаете меня мнимой жертвой ревниваго мужа. Свѣтъ будетъ вамъ очень благодаренъ...

— Пусть говоритъ, что угодно, а я наотрѣзь говорю, что не будетъ его въ нашемъ домѣ.

— Очень жаль, тѣмъ болѣе, что я, заботясь о дѣтяхъ, узнала, какъ способенъ Вундтъ. Но это рѣшено, значить, и толковать не о чемъ. Только я попрошу васъ на будущее время самихъ слѣдить за дѣтьми, когда возьмемъ но-

ваго гувернера, чтобы избавить меня отъ новыхъ сценъ и подозрѣній. Вы не считали нужнымъ заботиться о дѣтяхъ лично, вы думали, что ваша обязанность исполнена вполне тѣмъ, что вы платите за ихъ воспитаніе. Если бы я не слѣдила за ихъ ученьемъ, если бы Вундтъ не былъ добросовѣстнымъ человѣкомъ, они могли бы вырасти неучами. Можетъ-быть, вы и наложили на меня эту обязанность слѣдить за дѣтьми, чтобы подготовить эту сцену и оправдать въ моихъ глазахъ свое поведеніе...

— Это просто ни на что не похоже! Вы меня подлецомъ въ глаза называете!

— Я васъ никакъ не называю, я вамъ просто напоминаю ваши обязанности. И что у васъ за манера колотить руками... такъ и кажется, что вы драться хотите... Впрочемъ, отъ слушанья сплетенъ до драки одинъ шагъ... И откуда взялись у васъ эти плебейскія привычки?

— Послушайте, я васъ заставлю молчать. Я пришелъ къ вамъ не за наставленіями, вы сами нуждаетесь въ нихъ, а вы меня осмѣливаетесь въ грязь топтать! Я васъ въ

монастырь упрячу!

— Вы пьяны? — холодно спросила супруга Иакова Васильевича, спокойно глядя на его раскраснѣвшееся лицо.

— Что?!

— Вы пьяны! Ступайте вонъ; если дѣло дойдетъ до скандала, то вспомните, что вы останетесь нищимъ...

— Я васъ попрошу, Наталья Андреевна...

— А я вамъ приказываю, Иаковъ Васильевичъ, идти вонъ и не являться ко мнѣ до тѣхъ поръ, пока вы не отрезвитесь. Я вамъ еще разъ повторяю, что вы пьяны...

Нѣтъ, вы представьте себѣ положеніе Иакова Васильевича: жена, законная жена, осмѣлилась сказать ему, что онъ пьянъ, и выгнать его вонъ! Бѣсился онъ, изъ себя выходилъ, а она, точно каменная, точно бездушная статуя, не измѣнилась въ лицѣ. Иаковъ Васильевичъ, какъ мужчина, былъ горячъ, приученъ своимъ положеніемъ встрѣчать покорность, а она, напротивъ того, была хладнокровна, и этимъ-то самымъ она и могла его поразить. Стерпѣль онъ этотъ ударъ, махнулъ рукой, оставилъ у себя гувернера, толь-

ко пасмурнѣе, сдѣлался. Но радость къ радости, деньги къ деньгамъ, а горе къ горю идетъ, это дѣло на опытѣ доказано. Черезъ нѣсколько дней пришелъ къ Іакову Васильевичу еврей-ростовщикъ и объявилъ, что Андрей Іаковлевичъ, сынъ Іакова Васильевича, надавалъ ему векселей, что онъ подастъ ихъ ко взысканію. Сталъ на него кричать Іаковъ Васильевичъ; только — шельмы эти евреи, трясутся они, дрожатъ, точно съ мороза, а испугать ихъ трудно. Кланяется бестія Ицка передъ Іаковымъ Васильевичемъ, извиняется, трепещетъ, а на своемъ стоитъ. Нѣтъ хуже положенія, какъ имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ... Ты думаешь, глядя на его подлые поклоны, слушая его рабскія извиненія, что онъ сейчасъ тебѣ въ ноги повалится, — онъ же своимъ дрожащимъ трусливымъ голосомъ бормочетъ: «Сто дѣлать, вѣсе превосходительство, сто дѣлать! долзень-зе я свои деньги полуцить, я узъ лутце ко взысканію подамъ!» А чего тутъ лучше? Ничего нѣтъ лучшаго! Фамилію осрамить. Выгналъ его Іаковъ Васильевичъ и велѣлъ позвать сына. Явился тотъ. Красивый онъ былъ молодой

человѣкъ, въ гвардіи служилъ, всѣ его въ модныхъ ресторанахъ знали, важныя барыни его хорошимъ женихомъ считали и ухаживали за нимъ.

— Ты, — сказалъ отецъ:- векселей тамъ надавалъ?

— Да, — отвѣтилъ сынъ, весело поигрывая съ собачкой Іакова Васильевича. — Деньги были нужны.

— Что же у меня не спросилъ?

— Я спрашивалъ, да вы сказали, что еще не получали изъ деревни, такъ я и занялъ. Arrorte! — крикнулъ онъ собачонкѣ, кинувъ на полъ свои перчатки.

— Однако, надо было бы позволенья спросить, можно ли занимать.

— Что это вы, развѣ я ребенокъ?..

— Не ребенокъ, но кутить я тебѣ не позволю. Я давно собирался тебѣ замѣтить, что твоя жизнь меня сильно огорчаетъ.

— Не смѣй грызть, не смѣй. Arrorte! — забавлялся сынъ съ собачонкой.

— Послушай, я съ тобой говорю...

— Я слушаю.

— Чего-жъ ты съ собакой возишься?

— Это мнѣ не мѣшаетъ слушать... Ну, слу-
жи, Ледька! Т-съ, смирно!

— Ты тамъ съ камеліями возишься, на тан-
цовщицъ тратишься, у кондитеровъ, чортъ
знаеть, сколько проѣдаешь, любовницу дер-
жишь...

— А! моя Минхенъ славная дѣвочка!

— Славная или нѣтъ, но все это надо кон-
чить...

— Что съ вами? Вѣрно, васъ приказчикъ
разсердилъ? Камеліи, танцовщицы, любовни-
ца... Да у кого же ихъ нѣтъ? Я еще молодъ. Ко-
гда у меня зубовъ не будетъ, тогда и орѣховъ
не буду ѣсть.

— Ну, а я требую, чтобы ты, имѣя зубы, не
ѣлъ орѣховъ.

— Что-жъ, вы хотите ихъ всѣ себѣ оста-
вить? — насмѣшливо спросилъ сынъ. — По-
шла прочь, дрянная собачонка! — крикнулъ
онъ. — Перчатку испортила!

— Не думаешь ли ты мнѣ наставленія чи-
тать? — вспылилъ Іаковъ Васильевичъ.

— Полноте горячиться! Не читайте мнѣ
наставленій и я вамъ не буду ихъ читать. Вы
должны знать, что если у васъ, у старыхъ,

есть какія-нибудь потребности, то онъ должны быть и у нашей братьи, молодежи. У васъ Жюли, у меня Минхень, разница только въ именахъ.

— Жюли, Жюли! что вы затвердили ее! — Ты мальчишка, я тебя молчать заставлю!

— Что у васъ за манеры! Вы не съ своимъ канцелярскимъ говорите, а со мною. — Убирайся, скверная собачонка!.. Вы берете на себя право учить меня какой-то лучшей жизни, не исполнивъ обязанности показать примѣромъ, что эта пресловутая лучшая жизнь возможна. Заботились бы обо мнѣ, когда я былъ мальчишкой, не оставляли бы съ гувернанткой, которая чортъ знаетъ что со мною дѣлала, не содержали бы Жюли, о чемъ весь городъ до послѣдняго лакея толкуетъ... Да и живите какъ хотите, я не считаю этихъ глупостей преступленіемъ, но не мѣшайте и мнѣ жить. Нынче вѣкъ не тотъ; вы горячитесь, какъ человѣкъ отжившій.

— Мерзавецъ! — вышелъ изъ себя Іаковъ Васильевичъ. — Я тебя уничтожу!

— Для того, вѣроятно, чтобы легче присвоить имѣніе матери?.. Вы и ее, какъ я слы-

шалъ, попробовали уничтожить. Говорятъ тебѣ отстань, Ледька! — крикнулъ сынъ и швырнулъ собачонку въ уголь.

Та завизжала.

— Оставь собаку, негодяй!.. Вы всѣ сговорились, всѣ заодно! Вонъ!

— Послушайте, я уйду. Ваше общество не очень пріятно, но вамъ не удастся уничтожить ни меня, ни матери. Совѣтую вамъ не выходить изъ себя и не кричать. Это вредно для вашего здоровья.

Сынъ весь былъ въ мать и могъ шутить даже въ такія минуты. Іаковъ Васильевичъ захворалъ отъ этихъ огорченій. Ему было больно, что онъ отогрѣлъ змѣю на своей собственной груди. Обманутый женой, оскорбленный сыномъ до глубины души, онъ съ прискорбіемъ долженъ былъ искать отрады на сторонѣ; свой собственный домъ сдѣлался ему постылымъ. Я говорю: свой собственный домъ, потому что и домъ, и деревня были его собственные, но онъ ихъ написалъ на имя жены, конечно, не изъ какихъ-нибудь видовъ, а по любви къ ней. Въ это прискорбное время явилась истинною его

уѣшительницею совершенно чужая женщина, даже и не нашей націи, не русская, а Жюли, которою его попрекали родные, лишившіе его своей признательности, благодарности и любви; только у этой женщины онъ и отдыхалъ. Она и споетъ ему какую-нибудь французскую пѣсенку, и приголубитъ его, и своимъ молодымъ смѣхомъ разсмѣшитъ. Забудетъ онъ свою тяжелую государственную службу, непокорность негодяевъ-крестьянъ, домашнія непріятности и ободрится опять, чувствуетъ снова силы для служенія отечеству. Іаковъ Васильевичъ радъ былъ душу отдать этой Жюли, и надо сказать правду: стоила она того. Къ Рождеству онъ отдѣлалъ ей квартиру, великолѣпную мебель разную прислалъ, и за два дня до Новаго года повезъ нѣсколько мелкихъ дорогихъ бездѣлушекъ: серегъ, брошекъ, браслетъ и тому подобныхъ вещей. Жюли и не гадала, какая ей радость готовится, какъ она, въ Новый годъ, въ новыхъ брильянтахъ въ собраніи красоваться будетъ. И вотъ тутъ-то видна вся доброта Іакова Васильевича, часто незамѣчавшаяся людьми подъ его наружной су-

ровостью: сколько заботился онъ о выборъ вещей, сколько старался не проговориться о приготовляемыхъ подаркахъ! Возьмите въ расчетъ и то, что Іаковъ Васильевичъ былъ такую высокою особою, что онъ не только кому-нибудь другому, а и барину иному руки не подавалъ; Жюли же была просто дочь французской рыбной торговки, и объ этой-то плебейкѣ, такъ сказать, заботился онъ, какъ о дочери, у нея-то руки цѣловалъ, передъ ней на колѣняхъ стаивалъ! Подумайте о всемъ объ этомъ, и тогда вы поймете всю доброту его сердца. Признаюсь, мнѣ всегда было жаль, что эта Жюли не русская, не дочь какой-нибудь бабы, торгующей на Сѣнной печенкой и гнилыми апельсинами. Своему какъ-то больше счастья желаешь, чѣмъ чужому. Пріѣхаль въ къ ней утромъ, хотя обыкновенно ѣздилъ по вечерамъ. Ёдетъ и ужъ чуетъ его сердце, какъ дѣтски обрадуется Жюли, какъ начнетъ примѣрять подарки, смотрѣться въ зеркало и цѣловать Іакова Васильевича; подѣхаль въ дому, взглянулъ на него съ улыбкой, зная, что только въ этомъ домѣ и находитъ онъ непритворную ласку, искреннюю радость и любовь,

которая дороже золота, которой не купишь за всё богатства, какъ не могъ купить ее Іаковъ Васильевичъ у своей жены и у своего сына. Вошелъ онъ по черной лѣстницѣ, чтобы не будить звонкомъ своей подруги, прошелъ кухню, столовую, не встрѣтилъ никого, тихонько отворилъ дверь въ будуаръ, приподнялъ опущенную портьеру и съ улыбкой глядитъ туда... Такъ иногда мать, поднявъ бѣлый пологъ у кровати своего ребенка, любитъ спящимъ младенцемъ... На диванѣ, въ утреннемъ пеньюарѣ, сидитъ Жюли и ласкаетъ рукою русые кудри молоденькаго, хорошенькаго, розоваго, какъ персикъ, мальчугана: на томъ нѣтъ сюртука, воротъ батистовой рубашки разстегнуть; зимнее солнце весело играетъ на богатыхъ коврахъ, на бѣломъ атласѣ мягкой мебели... На нашего Іакова Васильевича точно столбнякъ нашель; продолжаетъ онъ глядѣть и все попрежнему улыбается доброй старческой улыбкой, какъ будто онъ влюбился въ этого мальчика, у котораго и пушка надъ верхней губой нѣтъ, какъ будто этотъ мальчикъ его сынъ, приласкавшійся къ матери. Да и точно: красавецъ былъ мальчикъ, я

его видѣль: быстроглазый, полненькій, веселый и такой смѣльчакъ, что чудо. Вотъ на французскомъ театрѣ я видѣль одинъ разъ актрису (билетъ мнѣ знакомые подарили); она была въ военномъ костюмѣ и точно такъ смотрѣла, какъ этотъ юноша.

— Кто это тамъ? — спросилъ онъ, глядя на портьеру прищуренными глазенками и стараясь басить.

— Мари, вѣрно, — сказала Жюли.

— Нѣтъ, это какая-то наштукатуренная обезьяна! — воскликнулъ юноша, разсерженный, что ему помѣшали вести сладкія рѣчи съ Жюли.

— Да вѣдь теперь святки, такъ она и замаскировалась, — засмѣялась веселенькая Жюли.

Она была сущій ребенокъ.

Юноша вскочилъ и подбѣжалъ къ портьерѣ, гдѣ все еще стоялъ Іаковъ Васильевичъ и продолжалъ улыбаться.

— Мерзавецъ: какъ ты смѣешь подсматривать? — крикнулъ взбѣшенный мальчуганъ своимъ дѣтскимъ басикомъ и съ быстротою молніи далъ двѣ пощечины Іакову Васильевичу, повернулъ его за плечи налѣво кругомъ

и пнулъ ногою.

По этому пинку было сейчасъ же замѣтно, что онъ недавно изъ училища вышелъ. Нашъ братъ не дастъ такого ловкаго пинка, отвыкли мы отъ этихъ школьныхъ продѣлокъ, у насъ и ноги-то не гнутся теперь, какъ въ былые годы... Иаковъ Васильевичъ обезумѣлъ, разронялъ всѣ подарки и, какъ курица, мелкими шажками, какъ онъ никогда не хаживалъ, побѣжалъ вонъ, согнувъ спину. Извѣстно, молодой гнѣвъ быстро проходитъ, смѣшливость беретъ свое; юноша не выдержалъ, куда у него и бѣшенство дѣвалось, схватился руками за бока и захохоталъ.

— Жюли, Жюли, смотрите, какимъ онъ пѣтушкомъ удираетъ! — кричалъ сорванецъ, отирая слезы, катившіяся отъ искренняго молодого смѣха.

Жюли взглянула и прыснула: молодой смѣхъ заразителенъ. А бѣдный Иаковъ Васильевичъ все бѣжалъ, захватилъ шубу, надѣлъ ее бокомъ и все бѣжалъ до самой кареты, и все слышался ему этотъ смѣхъ, — и домой онъ пріѣхалъ, а смѣхъ все звенить въ его ушахъ.

— Иванъ! — крикнулъ онъ камердинеру изъ кабинета.

— Чего изволите? — спросилъ тотъ.

— Кто тамъ въ залъ смѣется?

— Тамъ никого нѣтъ-съ,

— Дуракъ! развѣ можно смѣяться, если никого нѣтъ? Скажи, чтобы не смѣялись. У меня дѣла.

— Слушаю-съ! — произнесъ камердинеръ, покачавъ головой.

А смѣхъ все продолжается, веселый, молодой, звонкій, точно тысячи молодыхъ голосовъ залились и хохочутъ, хохочутъ до слезъ, до колотья. Побѣжалъ Іаковъ Васильевичъ въ залу, въ гостиную, поглядѣлъ — пустыя комнаты, только его встревоженная фигура въ растрепанномъ парикѣ въ зеркалахъ отражается. А смѣхъ все звенить и звенить. Заткнулъ онъ уши ватой: смѣхъ все звенить.

— Иванъ, я никого по принимаю. Всѣмъ отказывай.

— Слушаю-съ.

— Чего ты смѣешься, дуракъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Что ты такую глупую рожу корчишь,

мерзавецъ? Говори, зачѣмъ у тебя такая глупая рожа? Пьянъ ты?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Никакъ нѣтъ-съ, никакъ нѣтъ-съ! Что ты смѣяться надо мной вздумалъ, что ли? Погоди, доберусь я до тебя, дай мнѣ только съ дѣлами управиться. Убирайся.

Иванъ вышелъ. Іаковъ Васильевичъ замкнулъ кабинетъ, спустилъ штору и легъ. Провелъ онъ день взаперти, провелъ другой, едва-едва дождется ночи, такъ ему это время длинно казалось. Первый разъ въ жизни не дѣлалъ онъ и не принималъ визитовъ въ Новый годъ. Скука страшная, а выйти боится, страхъ на него напалъ какой-то, знаете. Я полагаю — (наше мѣсто свято!), что тутъ много значило время, совпавшее съ этимъ при- скорбнымъ случаемъ. Извѣстно, на Рождествѣ бѣсъ особенно силенъ и любятъ разныя этакія нечестивыя шутки творить надъ людьми; я думаю, и тутъ безъ его козней не обошлось. Разумѣется, я не могу выдавать своего мнѣнія за непреложную истину, а все же... Однако, время взяло свое, и смѣхъ сталъ все слабѣе и слабѣе звучать въ ушахъ нашего

страдальца. На четвертый день вздумалъ онъ ѣхать въ должность, поѣхалъ, вошелъ въ канцелярію совершенно не своей походкой, посмотрѣлъ на всѣхъ подозрительными глазами; всѣ на него, разумѣется, поэтому съ удивленіемъ смотрять, а его это еще пуще разсердило, — извѣстно, что пуганая вор... Впрочемъ, нѣтъ! это такое сравненіе низкое!.. Замѣтилъ онъ экзекутору, что въ канцеляріи духъ непокорности и вольнодумства видится, и прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Подписалъ нѣсколько бумагъ и взялся за газеты, прочелъ о наградахъ и повышеніяхъ, взглянулъ въ политику, сталъ фельетонъ просматривать, читаетъ, читаетъ — и глазамъ не вѣритъ, и снова слышитъ, какъ звонко-звонко гремитъ: въ его ушахъ смѣхъ, да такой, какъ будто вся канцелярія, вся улица, весь городъ въ одинъ хохотъ слились... Въ фельетонѣ, знаете, вся эта исторія, случившаяся съ нимъ, описана, до малѣйшихъ подробностей; и цвѣты краснорѣчія, и красоты слога разныя, все тамъ, какъ слѣдуетъ быть въ фельетонѣ. Іаковъ Васильевичъ, внѣ себя, сунулъ газету въ карманъ, схватился за голову и велѣлъ подавать

карету. Поскакаль изъ безъ всякой цѣли къ Ивану Ивановичу Лотухову — дома нѣтъ; поѣхаль онъ къ Василию Васильевичу Гребенщикову — не принимаютъ; туда-сюда — вездѣ отказъ. Оно и понятно: Ивану Ивановичу не было никакого резона, узнавъ эту исторію, принимать Іакова Васильевича, такъ какъ сынъ Ивана Ивановича мѣтилъ на мѣсто Іакова Васильевича, и Иванъ Ивановичъ давно говорилъ, что пора бы Іакову Васильевичу на покой удалиться и мѣсто молодымъ очистить. То же если и о Василии Васильевичѣ сказать, то и онъ приходился родственникомъ Ивану Ивановичу, былъ женатъ на его двоюродной сестрѣ, и по родственнымъ отношеніямъ никоимъ образомъ не могъ принять Іакова Васильевича, тѣмъ болѣе, что отъ Ивана Ивановича зависѣло его матеріальное благосостояніе. Про Луку Дмитріевича Кондратьева я не говорю, Лука Дмитріевичъ могъ бы принять Іакова Васильевича; но опять-таки всѣмъ извѣстно, что Лука Дмитріевичъ всегда первый узнаетъ, кто силы лишиться долженъ, и неизвѣстно откуда у него это чутье берется. Иногда соба-

ка, уткнувъ въ землю носъ, три дня передъ покойникомъ воетъ, а все-таки ошибается: никто не умретъ; если же Лука Дмитриевичъ кому руки не протянулъ, то такъ и знайте, что этому человѣку не сдобровать. Поэтому по самому, въ Лукѣ Дмитриевичу всѣ и ѣздятъ тонкія справки наводитъ, поразспросить насчетъ того, другого и третьяго: плотно ли тотъ или другой на мѣстѣ сидитъ. И я думаю, что Владиміръ Константиновичъ и Марья Николаевна Сухощаво-Терпуховы уже на Новый годъ успѣли у Луки Дмитриевича все насчетъ Іакова Васильевича вывѣдать, и только поэтому заперли передъ нимъ свои двери. Ужасно, ужасно, господа, стоятъ на высокомъ мѣстѣ. Мало ли оплеухъ проглотила разная мелкая рыбица, а кто ихъ считаль, эти оплеухи-то?.. Такъ-то объѣздилъ Іаковъ Васильевичъ чуть не весь городъ, и, наконецъ, рѣшился вызвать на дуэль молодого врага. Понесся онъ къ молодому львенку Подъѣхаль къ дому. Велитъ доложить о себѣ, а самъ какъ въ лихорадкѣ трясется; впрочемъ, на улицѣ дѣйствительно было холодно: я въ тотъ день себѣ щеку отморозилъ, и теперь еще знакъ

есть.

— Баринъ приказали сказать, что они не имѣютъ удовольствія васъ знать и потому не могутъ принять, — отвѣтилъ швейцаръ, возвращаясь отъ молодого барина.

— Да ты, вѣрно, перевралъ мою фамилію. Скажи, что...

— Помилуйте, я знаю вашу фамилію очень хорошо, — улыбнулся швейцаръ.

Наглые эти бестіи, швейцары!

— Доложи старому барину, — сказалъ Іаковъ Васильевичъ и оживился надеждою, что старый баринъ не станетъ потакать своему сыну и по старому знакомству приметъ его, хотя старый баринъ былъ еще важнѣе Іакова Васильевича!

— Старый баринъ не принимаетъ никого, — возвратился швейцаръ съ новымъ отвѣтомъ.

— Любезный, вотъ тебѣ... пропусти меня безъ доклада, — промолвилъ Іаковъ Васильевичъ, дрожащимъ и мягкимъ голосомъ и сунулъ швейцару красненькую.

— Нѣтъ-съ, этого нельзя, — усмѣхнулся швейцаръ, сунувъ въ карманъ бумажку.

— Ну, вотъ еще... ради Бога, пусти! — вынулъ Іаковъ Васильевичъ сѣренькую.

— Да нельзя-съ, какіе вы смѣшные? Развѣ ваши люди смѣютъ кого-нибудь безъ вашей воли къ вамъ допускать?

— Смѣшной! смѣшной! какъ ты смѣешь говорить, что я смѣшной? Да я тебя подѣ судъ упеку! — крикнулъ Іаковъ Васильевичъ.

Швейцаръ захлопнулъ передъ его носомъ двери. Іаковъ Васильевичъ обрадовался, увидавъ, что стали подавать сани молодому барину, и остался ждать. Молодой баринъ, веселый, розовенькій, точно персикъ спѣлый, вышелъ изъ дому, около него суетились лакей и швейцаръ. Онъ сталъ садиться. Іаковъ Васильевичъ собралъ силы, принялъ серьезный видъ и подошелъ къ нему.

— Послушайте, милостивый государь, мнѣ надо съ вами поговорить...

Швейцаръ въ эту минуту застегнулъ полость, кучеръ крикнулъ «пади!» и рысаки, какъ полевой вѣтеръ, рванулись впередъ, взвили снѣгъ и унесли молодого барина.

— Ради Бога, ради Бога, выслушайте, убейте меня! — крикнулъ Іаковъ Васильевичъ,

упалъ на колѣни и зарыдалъ, какъ дитя.

Его подняли, посадили въ карету и повезли домой. Дома схватилъ онъ газету съ проклятымъ фельетономъ и зарыдалъ надъ нею, потомъ сѣлъ на полъ, поджалъ подъ себя ноги по-турецки, сбросилъ съ себя парикъ, и, сдѣлавъ изъ газеты колпакъ, нарядился въ него, какъ маленькія дѣти иногда въ такихъ треуголкахъ играютъ. Приѣхалъ, наконецъ, и докторъ.

— Іаковъ Васильевичъ помѣшался, — сказалъ эскулапъ со вздохомъ.

А Іаковъ Васильевичъ все плачетъ и съ пола подняться не хочетъ. Прошли дни, облегченія нѣтъ. Однажды не усмотрѣли за нимъ, убѣжалъ онъ прямо къ дому молодого врага, сталъ на колѣни на улицѣ и плачетъ-плачетъ, такъ что сердце надрывалось. Стали его построже караулить. Грязный онъ такой сдѣлался, все съ собачкой онъ возился, всѣмъ надоѣлъ, даже камердинеръ Иванъ иногда ему говорилъ, когда никого не было:

— Околѣвалъ бы ты скорѣе!

— Ну, прости меня, прости, дурака, — плакалъ бѣдный Іаковъ Васильевичъ.

— Чего дурите-то! — грубо отвѣчалъ Иванъ. — Надоѣли ужъ.

А кто фельетонъ-то этотъ писалъ, знаете, изъ нашихъ чиновниковъ былъ, да такой плюгавенькій, маленькій, рябоватый, ногтемъ придавить нечего. Трусишка онъ былъ; бывало, первый вскочить, когда только шубу Иакова Васильевича сержантъ пронесетъ; онъ и фельетонъ-то писалъ, такъ, я думаю, зубомъ на зубъ попасть не могъ, а какъ узналъ, что Иаковъ Васильевичъ по болѣзни отставку взялъ, такъ тоже голову поднялъ, посмѣиваться надъ нимъ началъ. И злоба-то въ немъ была, потому что онъ съ своей трусостью еще мизернѣе въ присутствіи Иакова Васильевича смотрѣлъ. Да что онъ! объ этихъ людяхъ и говорить не стоитъ, а вотъ что прискорбно было: зашелъ я вчера въ библіотеку и увидалъ тамъ людей, водившихъ хлѣбъ-соль съ Иаковомъ Васильевичемъ, такихъ же важныхъ, какимъ и онъ былъ, и замѣтилъ, что они этотъ самый нумеръ газеты, съ извѣстіемъ о кончинѣ Рязанцева, читаютъ; любопытство меня взяло, и сталъ я прислушиваться къ ихъ разговорамъ.

— А, отправился, наконецъ, въ елисейскія! — воскликнулъ одинъ значительный баринъ съ орденомъ на шеѣ.

— Давно было пора! — произнесъ докторъ, лѣчившій Іакова Васильевича и пользовавшійся его покровительствомъ. — Отвратительнымъ созданьемъ онъ въ сумасшествіи сдѣлался. Я видѣлъ его каждый день. Постоянно сидѣлъ онъ на полу, безъ парика, въ колпакъ изъ газетной бумаги, и хныкалъ надъ своею больною болонкою. Она такая же, какъ онъ, скверная сдѣлалась, чесать и мыть ее перестали, глаза загноились у ней, гадѣйшая, однимъ словомъ, тварь стала. «Некому насъ съ тобой защищать, Ледичка!» восклицалъ онъ, и какъ подадутъ ему манную кашу, да не усмотрятъ, онъ ею и вымажетъ и себя, и собаку...

— Ха-ха-ха, — засмѣялся одинъ еще не старый баринъ. — Вы насъ потѣшаете, докторъ, и выдумали эти подробности.

— Право, нѣтъ! Вы бы и не узнали его, въ одну минуту онъ сталъ похожъ на исхудалаго оципаннаго цыпленка; вѣдь вся его толщина была изъ ваты: румянецъ, зубы, волосы, —

все поддѣльное, и когда не стало этого всего, то вмѣсто Якова Васильича вышла какая-то плѣшивая, старая крыса съ длиннымъ носомъ.

— Вы слышали, — перебилъ эти подробности какой-то старикъ въ парикѣ и съ нарумяненными щеками, которому, видно, не нравились эти подробности:— онъ подавалъ за день до сумасшествія жалобу на противника.

— Фи! — воскликнулъ господинъ помоложе. — Пятно съ чести снѣтъ кляузой хотѣлъ. Впрочемъ, это понятно съ его стороны, онъ втерся въ нашъ кругъ Богъ знаетъ откуда. Вѣдь и жена его мѣщанка была. Черезъ перваго мужа, князя Зубцова, она въ люди вышла, женивъ того на себѣ подъ пьяную руку... Ну, что же противникъ?

— Ничего, посмѣялся. Вѣдь свидѣтелей не было. Марья Николаевна Сухощаво-Терпухова, проказница, приготовлялась вечеръ сдѣлать и свести обоихъ враговъ. Сцена вышла бы премиленькая. Конечно, Якову Васильичу не дали бы возможности оскорбить нашего фаворита, но немножко-то позабавились бы и его положеніемъ

— Однако, согласитесь, господа, что это было адски-безысходное положеніе, — серьезно и нѣсколько боязливымъ голосомъ замѣтилъ сынъ Ивана Ивановича Дотухова, занявшій мѣсто Іакова Васильевича, дотянувшійся, наконецъ, до одной изъ верхнихъ ступеней общественной лѣстницы. — Меня просто преслѣдуетъ иногда эта мысль, я слышу этотъ смѣхъ, когда сижу на креслѣ Якова Васильича.

— Ну, вотъ еще выдумали! Въ деревню могъ бы онъ уѣхать, тамъ и вообще въ провинціи могъ бы быть еще первымъ при своемъ богатствѣ...

— Ха-ха-ха! — раздался звонкій молодой смѣхъ.

Собесѣдники вздрогнули и обернулись: за ними стоялъ уже знакомый намъ юноша съ розовенькими щечками и пухленькими губками и звонко-звонко смѣялся... Онъ слылъ въ обществѣ подъ именемъ нашего фаворита и не боялся — просто ничего не боялся.

Тяжело мнѣ стало; посмотрѣлъ я на этихъ господъ, что разжаловали Іакова Васильевича въ Яковы Васильича, и я пошелъ изъ

собранія съ стѣсненнымъ сердцемъ... Чего они радовались? Ну, а какъ придется такъ самимъ?.. Да, такъ вотъ-съ, какъ обо всемъ объ этомъ подумаешь, пофилософствуешь, то, я вамъ скажу, это хуже, чѣмъ о свѣтопреставленіи думать. Умъ за разумъ заходитъ, и невольно приходишь къ глубокому, полному горечи, заключенію, что... Да нѣтъ! Я рѣшительно хочу въ нѣкоторомъ родѣ, знаете, удалиться отъ тревоженій свѣта...

1886